

Муниципальное бюджетное учреждение информационно-методический центр "Екатеринбургский Дом Учителя"

Вестник Дома Учителя

Прошло уже 75 лет с момента окончания Великой Отечественной войны. За это время сменилось три поколения. И до сих пор практически в каждой семье память о войне остаётся живой, часто так и незаживающей раной.

У кого-то, к огромной радости, их близкие вернулись домой с войны живыми, а у кого-то за это время останки погибших родных людей были найдены и преданы земле. Но многие войны, и их немало, так и остались на полях сражений, в болотах Невского пяточка, 35-й батарее в Севасто-

поле или Ржевского котла. Этих мест памяти, которые до сих пор болью отзываются в сердце, так много по России. Да и не только в русской земле полегли наши солдаты! И всегда, а не только в канун Дня Победы, нас интересует, как «юность, опалённая войной» отозвалась в сердцах тех, кто вернулся домой с фронта? Почему наши дедушки и бабушки так часто молчали в ответ на детские вопросы их внуков о войне и ничего не рассказывали? Что мучило их как невысказанная тайна, которую они не могли доверить самым близким людям?

Великая Победа – это и радость, и героизм защитников Родины, и духовное мужество народа, но это и история глубокого человеческого горя и страдания, мучительного выбора каждого человека в момент, когда одолевают голод, холод, страх за свою семью, отчаяние за поруганную жизнь и родную землю. Как трудно доставались возвращение из плена домой и мирная жизнь тем, кто вынуж-

ден был оставаться на оккупированных территориях или был угнан на работу в Германию и другие страны. Недоверие властей, многочисленные проверки, ссылки и лагеря – это тоже часть нашей истории, трагическая и болезненная. Но наша!

Как оплакать всех жертв этой ужасной войны? Возможно ли обретение мира между теми, кто был врагами? Как его обрести? И как, наконец, обо всём этом говорить с нашими детьми, чтобы их память оставалось живой и сострадательной? Чтобы они могли понять, почему наша долгожданная Великая Победа – «со слезами на глазах», как говорят строки самой известной песни, посвященной 9 Мая. Какие уроки мы должны извлечь из этой великой трагедии и преподать будущим поколениям?

Страницы специального выпуска мы посвящаем нашим землякам, тем, кто прошел через эту войну в тылу и на фронте и тем, кто волею судеб оказался связан с нашим городом в это военное время.

В этом номере:

«Самое страшное—это беспомощность...» Воспоминания Виктора Максимова

Нина Гарельшева. Далекие годы детства

Поле битвы за человеческую жизнь: эвакогоспитали глубокого тыла в школьных стенах

Зинаида Туснолובה-Марченко: «Жизнь была щедрой ко мне!»

Тематический обзор литературы. Урал в годы Великой Отечественной войны

Севастополь: неизведанные страницы нашей истории

Маяя Никулина. «Снится, снится, снится людям тишина...»

2
6
13
21
23
26
32

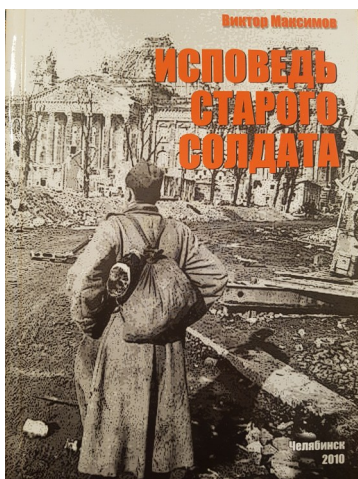
Фоменко Светлана Леонидовна, и.о. директора ЕДУ
Парфенова Евгения, гл.редактор

«САМОЕ СТРАШНОЕ – ЭТО БЕСПАМЯТСТВО...»

«Хочется, чтобы потомки продолжили нашу дорогу и не совершали наших ошибок...»

Два года назад ушел из жизни удивительный человек, наш земляк, ветеран Великой Отечественной войны *Виктор Сергеевич Максимов*. Ему исполнилось бы 93 года (1926–2018). Он прошел всю войну, имел как награды, так и ранения. Он подсчитал, что в целом пролежал в госпиталях шестьдесят месяцев своей жизни – это 5 лет. Последние годы он жил в Германии и являлся президентом фонда помощи инвалидам Великой Отечественной войны. Всю жизнь Виктор Сергеевич активно помогал ветеранам и инвалидам в России, и в частности в Екатеринбурге и Челябинске. Виктор Сергеевич оставил воспоминания в форме исповеди. Его книга так и называется «Исповедь старого солдата», в которой, по словам автора, он осмысляет связь собственной жизни с трагическими событиями Второй мировой войны.

«Вот и подошла к концу моя попытка осмыслить связь собственной жизни и величайшей трагедии в истории человечества – Второй мировой войны. Пусть мои мысли добавятся к тем страницам толстой книги самопонимания, в которую человечество собирает опыт многих поколений. Очень хочется, чтобы потомки продолжили нашу дорогу и не совершали наших ошибок...»

Во второй половине своей жизни мне пришлось переосмыслить многие ценности прошлого, долгое время бывшие для меня незыблемыми. Но это не стало предательством моих идеалов. Жизнь раскрыла передо мной всё свое многообразие и богатство. Я понял, что высшей ценностью является человеческая жизнь, так бесцельно во все века бросаемая в огонь войны, понял – именно на её сохранение и защиту должны быть направлены силы человечества.

На этом пути я встретил верных друзей в Германии среди бывших смертельных врагов. Сегодня немецкие и российские ветераны Великой войны вместе преклоняют колени перед могилами павших, призывают народы к миру и добру: пришло солдатское братство по войне – примирились! И все по велению разума и сердец самих ветеранов, по доброй воле. К сожалению, на это потребовалось полвека времени».

«Блаженны миротворцы»

Но главным делом жизни ветерана стало примирение русских и немецких солдат. Нам посчастливилось встречаться с ним в 2012 году, когда он рассказывал, что смог простить тех самых людей, которые стреляли в него и его друзей. Он смог простить и захотел поделиться этим. «Как-то однажды встречались в Берлине бывшие немецкие солдаты и офицеры, воевавшие под Сталинградом, и я подумал, возьму и поеду, будь что будет! Правда, мне казалось, если они узнают, что я русский солдат – прибьют, но вдруг я услышал, что они говорят о своей вине, о том, что их обманул Гитлер, и что они виноваты перед русским народом, я подошел и сказал, кто я. Они обняли меня и попросили прощения. С тех пор я понял, что это возможно».

Виктор Сергеевич рассказывал, что часто встречался со вдовами и детьми немецких солдат, общался, рассказывал о себе, о России и просил прощения. Это было трудно, потому что ничего уже невозможно исправить и никого не вернуть. Особенно трудно понимание этого примирения давалось со стороны своих же русских солдат и властей, которые, бывало, препятствовали тому, чтобы навещать захоронения немецких солдат. Но это необходимо и важно, потому что, по словам Виктора Сергеевича, «самое страшное – это беспамятство». А когда человек помнит, кается, это дает возможность поменять ход истории. «Если бы такое было возможно на уровне целого народа, изменилось бы будущее России», – так считал Виктор Сергеевич.

«Будьте бдительны, гасите искры войны, иначе ваше будущее может не состояться».

Книга Виктора Максимова заканчивается словами наказа к нам, ныне живущим и будущим поколениям:

«Уходят из жизни старые солдаты, заканчивается и мое время, но остаетесь вы, люди, остается молодежь со своим будущим. Прошу вас, дети мои, внуки и правнуки, русские и немцы, американцы и японцы – все, все! – задумайтесь о своём будущем, оглянитесь назад, вспомните, какую цену заплатило наше поколение, чтобы сделать будущее возможным! Мы оставляем вам мир нестабильным, беспокойным, стоящим на грани ядерной катастрофы: факел войны тлеет в руках властей, не дайте ему разгореться. Будьте бдительны, гасите искры войны, иначе ваше будущее может не состояться. Полноценное развитие общества невозможно без оценки исторического прошлого своего народа и памяти о нем – таков закон жизни. В народе говорится, что жизнь – завещание умерших, поэтому этот голос должен звучать всегда, как колокол, – живите мирно!»

Виктор Максимов оставил завещание, в котором попросил внука захоронить его прах на месте кладбища немецких солдат, рядом с Широкореченским мемориалом, где захоронены военнопленные немецкие солдаты, работавшие в посёлке НИИСХОЗ. На памятнике высечено: «Виктор Сергеевич Максимов 1926–2018. Ветеран Великой Отечественной войны. Гуманист и Интернационалист».

Материал подготовила Евгения Парфенова

Гарельшева Нина Францевна ДАЛЁКИЕ ГОДЫ ДЕТСТВА

Нина Францевна Гарельшева – член союза журналистов с 1978 года, и хотя штатную работу завершила в начале 1990-х, но в профессии – до сих пор, оставаясь неравнодушным человеком, живо и быстро откликающимся на проблемы нашего общества. Именно поэтому все написанное автором вызывает неподдельный интерес.

Нина Францевна – автор нескольких автобиографических книг. Ее творчество неоднократно отмечалось наградами. Одна из последних её книг – «В жерновах репрессий», которая посвящена истории поиска места гибели своего отца – Мали Франца Францевича, арестованного 2 февраля 1938 года в Свердловске и погибшего в Унжлаге во время сталинских репрессий (река Унжа, Костромская область). К 75-летию Победы Н.Ф. Гарельшева выпустила важную для нас книгу – сборник «Фронт и тыл во время Великой отечественной войны». В нем содержатся рассказы и очерки о войне, как она виделась из такого, казалось бы, далекого от линии фронта Свердловска.

В очерке «Далёкие годы детства» Нина Францевна рассказывает о своём военном детстве, которое она провела со своей мамой и сестрой в с. Щелкун, куда они были выселены из Свердловска как члены семьи врага народа еще до начала Великой Отечественной войны. Как в это тяжелое время удавалось не только выжить, а еще учиться и помогать фронту, сохранить человеческое достоинство, а в дальнейшем и потребность в литературном творчестве? Об этом – трогательное свидетельство нашей замечательной землячки.

В нашу семью несчастье пришло ещё до начала Великой Отечественной войны. Явилось оно зимней ночью в обличье трёх мужчин в черной одежде. Они увезли нашего отца, Мали Франца Францевича, в «чёрном воронке», и больше мы его никогда не увидели. А наша семья: мама, Мария Владимировна, и две ее дочери, Валентина и я, – стали называться СВН (семья врага народа), значит, опасные элементы, и жить таким в городском обществе нельзя, поэтому нас из Свердловска удалили, то есть выселили. Таких семей было очень много.

Родственников у нас нигде не было, и мы по совету соседки, Фёклы Родионовны, поехали в село Щелкун к её сестре, бабушке Груше. Ехали очень долго в кузове грузовой машины: укрылись одеялами и всем теплым, что у нас имелось, но мороз был сильный и пробирал до костей. Приехали в село, меня поразили огромные сугробы снега до самой крыши домов. Отогрелись у бабушки Груши, она жила с дочерью Лизой и внучкой Наташей. Недельку мы прожили с ними, мама устроилась на работу в Химлесхоз, от него нам дали жильё: в пустом большом доме-бараче – в лесу, в шести километрах от села.

Старенький мужичок привез нас на лошадке в лес, зашли мы в дом, где было очень холодно. Мужичок оставил нам немного дров, пилу и топор, сказал: заготовливать дрова будете сами, рубить только сухостой. И уехал. Мы остались одни: три беззащитных существа. Кругом стоял густой лес, укутанный после снегопада красивым белым покрывалом. Мама сказала: «Ну вот, теперь это наше жильё. Будем обустраиваться».

Дом был на пять окон, одно из которых выходило на дорогу, бегущую с горки прямо к нашему дому. В доме вдоль окон – длинный стол, сколоченный из неоструганных досок, и такие же две лавки по обе стороны стола. Посередине дома – очаг. В углу с торца дома, возле окна, нам сделали две лежанки: одна для Вали, моей сестры, на другой (она была на одну доску пошире) спали мы с мамой. Между лежанками – узкий проход, через который можно было держаться за руки.

Маму в Химлесхозе оформили сторожем и уборщицей. Ей дали карточку на 800 граммов хлеба, как работающей, а нам с сестрой, иждивенцам, – по 400. Местные жители имели хозяйства, обеспечивали себя на зиму овощами, имели скот: коров, овец, кур. А у нас на сутки – 1600 граммов хлеба и всё. В первую же зиму приличные вещи из одежды были обменяны на овощи. Но вещей было не так много, и уходили они за бесценок: за полведра картошки, вилок капусты и так далее. Всё это съедалось быстро.

Мама каждое утро уходила в село, чтобы добыть какой-то пищи. Теперь, когда я вспоминаю то время, мне кажется, что это было не со мной, не в моей, а чьей-то чужой жизни. Но память восстанавливает такую картину. Раннее зимнее утро. В окно, куда не погляди, – всюду безмолвный заснеженный лес. Есть нечего. Мама собирается на промысел. Она нанялась перевезти из леса одной старушке за овощи двенадцать кубометров березовых дров (березовые дрова тяжелее сосновых).

Мы с сестрой садимся у окна, выходящего на дорогу, и смотрим ей вслед. Мама в старой, еще городской шубейке, растоптанных валенках, позади – санки. Ночью была метель, маме приходится прокладывать дорогу. Она опускается сначала в низину, затем дорога поднимается в гору и теряется в лесу. Мама напоследок машет нам рукой. Ее следы да две полосы от полозьев некоторое время видны на снегу, но к полудню начинается вьюга и следы заметает. Валя идет колоть напиленные дрова, я топлю печь: за ночь сильно выдуло тепло.

Маму начинаем ждать задолго до ее возвращения. Томительно тянется время, наши часы-ходики неохотно передвигают стрелки. Что принесет мама? Хлеб по карточкам выкуплен на три дня вперед и съеден. Голод все больше дает о себе знать, а мамы все нет и нет. Световой день короткий, а ей надо сделать несколько рейсов: делянка за три километра от села, да по селу идти далеко. Дрова надо уложить плотно, крепко привязать, а снег все метет и метет. Часть дороги, идущей среди поля, сильно переметало снегом, санки сваливались на бок, и мама снова укладывала дрова, закрепляя веревкой. Каждый раз шла, как по целине.

Солнце в туманном ореоле уже клонилось к закату, а мамы все не было. Мы давно сидим у окна, тревожно вглядываемся в дорогу. От напряжения устают глаза, несколько раз мерещилось, что мама спускается с горки. Я начинаю тихонько плакать то ли от голода, то ли от страха за маму. Сестра утешает: «Не реви, мама скоро придет», – хотя сама тоже боится.

Возле окна сидеть уже бессмысленно, стемнело окончательно. Мы зажгли наше светило – тонкую лучину, и за дверью услышали мамины шаги и ее голос: «Девчонки, это я!». А кто еще в такое время может забрести в нашу глухомань? Мама принесла картошку и редьку. Радость неопишущая! Быстро варим картошку, натираем редьку, из которой получилась «рисовая» каша – ужин отменный. Сидим за широким длинным столом, слушаем мамины рассказы. Ложимся спать сытыми. На другое утро мама ушла потихоньку, чтобы не разбудить нас: когда спишь, голод отступает. То, что давала маме бабушка за такую тяжёлую работу, всё-таки поддерживало нас: картошка, редька, капуста. Мама ещё кое-где подрабатывала: кто морковки даст, кто репы. Так и выжили первую зиму в изгнании.

Ближе к весне, когда ослабли морозы и снег уже шел реже, в барак стали приходить рабочие-женщины, чтобы подготовить лес к летнему сезону, когда добывают живицу, сосновую смолу. Во время войны она считалась сырьем стратегическим. Валю, сестру, оформили на мужскую работу – вздымщиком, а вместе с ней и меня: в 11 лет от роду приняли сборщицей живицы, и карточки дали нам по 800 граммов. Мастер участка, Николай Дмитриевич Банных, съездил в Сысерть, в главную контору Химлесхоза, и всё официально оформил. Печать о приёме на работу мне поставили на обратную сторону метриков.

Маму тоже оформили сборщицей живицы, и мы работали с ней в паре. Ходили по лесосеке от сосны к сосне, выбирали живицу из воронок, прикрепленных на конце вертикального жёлоба, по которому стекала смола. Для выполнения плана нужно обойти 200–300 сосен. И чтобы не подходить к каждому дереву дважды, мама сказала: «Нина, там, где ты выбрала живицу, клади на воронку щепочку, её видно издали». Живица очень тяжелая, набирали по большому ведру и несли далеко

в землянку, где выкладывали смолу в бочки.

В начале лета оживали полчища комаров, от них было невозможно работать: никаких отпугивающих средств тогда ведь не было. Приходилось даже в жару укутываться в одежду, надевая телогрейку, шаль. Комариный писк стоял в ушах и когда ложились спать, а искусанные руки неизменно чесались. В июле другая напасть – оводы, слепни. Они подлетали беззвучно, но жалили так больно, что иной раз совок, которым собирали серу, выпадал из рук. А ближе к осени изнуряла мошка. Крохотная букашка пролезала в любую маленькую щёлочку и кусала до боли, вызывая страшный зуд, от него распухали руки. Но было ещё и много змей. Трава высокая, их не видно, только могут стебли колыхнуться в том месте, куда змея уползает. Я боялась встать на неё.

Летом пропитаться было легче: появились грибы, ягоды. Их мы ели досыта. Но вот август уже на исходе – приближался учебный год, значит, надо позаботиться о моём устройстве в селе. Минувшей зимой я год пропустила: в третьем классе не училась. В селе познакомилась с девочкой, моей ровесницей – Ниной Банных, а потом и с её мамой – тётей Шурой. В семье новой подруги, кроме нее, были еще две сестрёнки – Галя и Нюра (Аня), и совсем маленький братик Вова. На отца семейства, Ивана Степановича, уже была получена похоронка – как на «пропавшего без вести». В этой семье и приютили меня.

1 сентября я вместе с Ниной пошла в школу. Мы сели за одну парту. Учительница Мария Васильевна, увидев новенькую, попросила у меня табель за третий класс. Я сказала, что в третьем классе не училась.

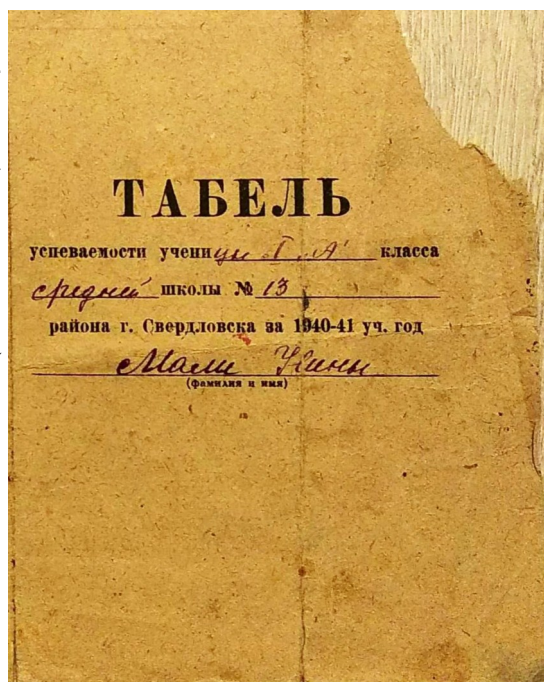
– Зачем же ты пришла в четвёртый класс? – спросила учительница. И тут за меня заступилась Нина:

– Мария Васильевна, она догонит нас, я видела её табель за второй класс, там одни пятёрки!

– Ну, хорошо, посмотрим, будешь ли ты справляться. Четвёртый класс я закончила с похвальной грамотой.

Школа заботилась о нас. Всю зиму в большую перемену нас кормили обедом: простой похлебкой из рассыпчатой картошки с капустой. Какая же она вкусная была! Перед звонком на большую перемену в партах начинали побрякивать мисочки: алюминиевые, глиняные, эмалированные. Как только раздавался звонок, все спешили в зал к буфетной стойке, чтобы получить свою порцию – большой половник похлебки. Это было поддержкой, особенно для многодетных семей. А в селе почти все семьи многодетные.

В школе нам выдали учебники: один на троих. Тетради

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ	Оценки (оценки) успеваемости по предметам				Итоговая оценка	Подпись родителей
	I	II	III	IV		
Русский язык устно письменно	5	5	5	5	I четверть	Мамы
Литература	5	5	5	5		
Арифметика	5	5	5	5		
Алгебра	5	5	5	5		
Геометрия					II четверть	Мамы
Тригонометрия						
Естественнонаучные						
История СССР					III четверть	Мамы
История						
География						
Физика					IV четверть	Мамы
Химия						
Геология и минерал.						
Историческая па.					Итого года (переведен в следующий класс, оставлен на второй год, исключен и т.д.)	Подпись ил. родителей Шуры 1941
Числовые	5	5	5	5		
Рисование						
Пение						
Чтение						
Физкультура						
Военное дело						
Поведение	5	5	5	5		
Число уроков						
Из них пропущено						
Итого: оценок на уроках	5	5	5	5		
Подпись класс. учителя	Мамы					

использовали очень экономно, часто писали в тетрадях из обёрточной бумаги. Чернил не было вообще. Мы делали чернила из свекольного сока и сажи. Свекольный сок быстро густел и закисал, нависая на кончике пера густой, тяжелой каплей. Чернила из сажи и того хуже: жирная сажа никак не хотела растворяться в воде и хлопьями нависала на перо. Часто писали карандашами, но их тоже не хватало. О химических чернилах только мечтали.

И вот однажды произошёл такой случай. Мой сосед по парте, Боря, принес в школу химические чернила. Его ребята не любили и называли Борька – жадина-говядина за то, что он никогда ни с кем ничем не делился. Свою чернильницу-непроливашку прятал, когда уходил на перемену. Приблизился конец первого полугодия, и мы должны были писать контрольную по арифметике за 5 класс. Борька принес свою чернильницу. Я попросила его поставить чернильницу на середину парты. Он согласился, если я дам списать контрольную. Я положила свою тетрадь так, чтобы ему было видно решение.

Ах, с каким удовольствием я писала эту контрольную, любовалась каждой циферкой! Настроение весь вечер было приподнятое. На другой день арифметика была первым уроком. Наша любимая учительница раздавала контрольные, объявляя оценки. И вдруг: «Борис Партин – двойка». Я не успела удивиться, как услышала: «Нина Мали – два!». Весь класс ахнул! Я же училась только на пятерки. «Один списал, другая дала списать, поэтому оценки одинаковые», – сказала Мария Васильевна. Я еле сдерживала слёзы. Контрольная, написанная химическими чернилами! И такой позор! Двойку я, конечно, быстро исправила, но обида в душе осталась надолго.

Всю зиму я жила в селе, далеко от мамы и сестры, поэтому должна была заботиться о себе самостоятельно. У меня сложился такой порядок дня: как только утром тётя Шура растапливала печь, я вставала и чистила картошку, которую приносила мне мама, ставила её варить в баночке из-под консервов перед пылом. Картошка румянилась, была очень вкусной. Надо ещё проверить, не порва-

Ученики 6-го класса Щелкуновской неполной средней школы

лись ли где чулок и моё пальтишко, чтобы тут же зашить дырки. Вскоре поднималась Нина, мы завтракали и шли в школу. После занятий дома делали уроки, а потом помогали тётке Шуре тереть шерсть. Она для какой-то городской организации вязала красивые шали. Шерсть для шалей привозили в мешках грязную, липкую, скатанную репейными колючками. Её надо было очистить от колючек, затем растеребить тонко-тонко. Мы сидели вокруг стола и при свете керосиновой трехлинейной лампы весь вечер работали. Свет от лампы сла-

бый, но для пятилинейной, более светлой лампы нужно больше керосина, а купить его было негде. Затем тетя Шура шерсть прядла, и только тогда можно вязать.

Приближалась весна, самое тяжелое время. Овощи на исходе, корма для скота тоже, экономили во всём, жили впроголодь. Худо-бедно можно было прокормиться тем, что имели. Но непосильное бремя налогов опустошало семьи настолько, что приходилось ещё покупать, чтобы вовремя сдать государству налог. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» выполнялся неукоснительно. А был он таким.

Каждый двор в течение года должен был сдать на приёмный пункт: два центнера картофеля, 100 литров молока, 100 штук яиц, пять килограммов топленого масла, один килограмм сушёной картошки, 45 килограммов мяса, 600 граммов шерсти, шкуру одного животного (овцы, телёнка или коровы), связать две пары варежек. Детям от молока оставался только «обрат», то есть молоко после прогонки на сепараторе, когда сливки – жирная часть молока – использовалась для масла, чтобы сдать налог. Я жила в семье, где каждое утро, как и в других семьях, после дойки коровы тетя Шура относила молоко на сдачу.

Когда сошёл снег с полей, мы с девочками после уроков отправлялись на поиски прошлогодней картошки по липкой, грязной пашне поля. Искали случайно оставленные осенью клубни при уборке урожая. Самой удачной находкой был картофель с неповреждённой кожурой. Его мякоть сохранялась, и если натереть на тёрке, то лепёшки получатся отменные. Но такие клубни попадали редко – всё больше побитые, с высохшим на солнце крахмалом серо-землистого цвета. Пекли лепёшки на противне в печи, без всякой смазки.

Постепенно поле просыхало, разрешалось собирать колоски до самой пахоты. Поиск колосков – работа тоже изнурительна. Ходишь по огромному полю, собираешь, как курочка, по зёрнышку. Хорошо, если колосок сохранился целым, но больше попадалось пустых. Это мышки поработали. Но в эту пору была возможность прилечь где-нибудь на высоком сухом местечке. Ляжешь на спину, чтобы отдохнуть, смотришь в небо, а там на большой высоте – жаворонок поёт-заливается. Думаешь, вот бы улететь, как птица, в сказочную страну...

Худо-бедно насобираешь полведёрка колосков, а то и целое. Пора домой. В поле идём гуртом с девчонками, по полю разбредёмся, обратно идём поодиночке. Дома отдыхать некогда: надо обрабатывать собранный «урожай», готовить ужин. Девчонкам помогали их сестры, а мне все приходилось делать одной. Сначала колоски перетираешь руками, чтобы вылущить все – до последнего зёрнышка. Затем ищешь во дворе место, где ветерок продувает. Расстилаешь на землю полог и под ветром отвеиваешь шелуху. Несколько раз проделываешь эту процедуру: очистишь зерно, теперь надо его перемолоть на жерновах. Хорошо бы намолоть муку на лепешку, остальное – на кашу.

Жернова большие, тяжелые. У меня ни силенок, ни длины рук не хватало, чтобы, стоя на одном месте, крутить жернова. Приходилось крутиться вокруг жерновов. Теперь помол надо просеять, отделить мелкую муку от крупных крупинок. И вот наступает священный момент: можно варить кашу и на чисто вымытой плите печь лепешки. Добычи нашей хватало поесть только на один раз да

на утро оставить лепёшку. Сытые, крепко засыпали. Но вскоре начали поле пахать и ходить за колосками не разрешали.

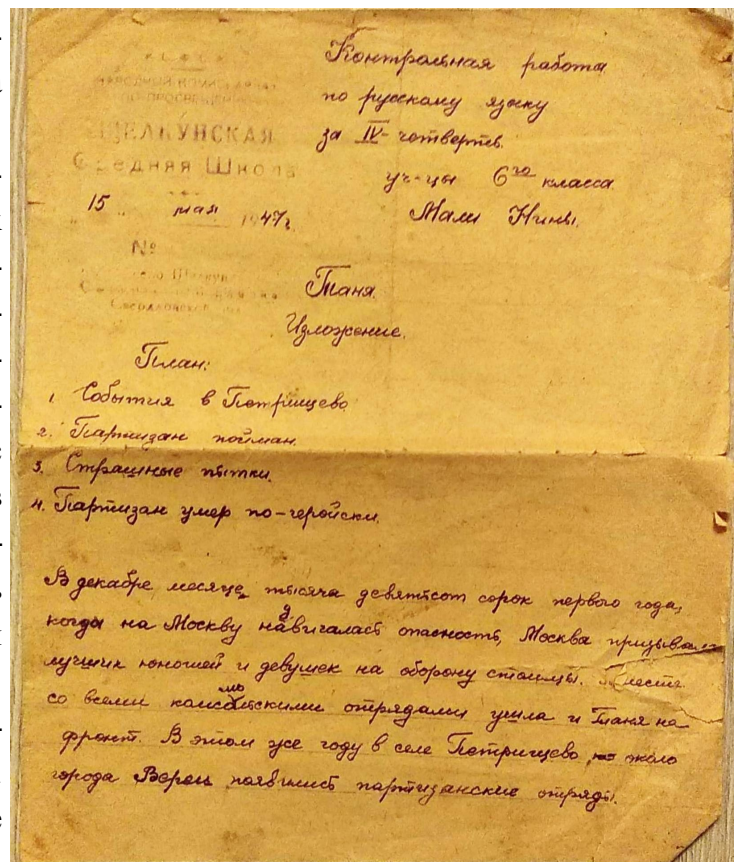
Теперь перешли на травку: в лесу собираем пестики – растущую верхушку на молодых сосенках. Горьковатые, но жуем. Вот вам натуральные витамины. Завариваем чай из брусничного листа. Ищем в лесу саранки – дикие лилии. Выкапываем их луковицы – ах, какое лакомство! Едим пиканки, высокие растения с толстым полым стволом. Всякая зелень шла в пищу, за счет чего и выживали. Но дурман-траву, белену, все дети знали и не прикасались к ней. Крапиву срезали под корень, добавляли одну-две картофелины и борщ готов.

Ну а лето красное одаривало грибами, ягодами. Божественный лес спасал нас от голода. Грибов ели досыта, сушили, а солить впрок не могли – соль была на вес золота. Чтобы сэкономить соль, картошку варили несколько раз в одной и той же воде, добавляя соли чуть-чуть. Когда поднималась зелень: морковь, репа, редиска, горох, то их дети щипали, не дожидаясь спелости. Но осторожно, чтобы не обеднить урожай.

Тяжело было женщинам вскапывать весной огороды – большие, по 20 соток. Дети, конечно, помогали. Тетя Шура Банных и тетя Катя Власова, у которой было по пятеро детей, а мужья погибли на фронте, впрягались в плуг, сзади кто-то из ребят шел за плугом. Таким способом было быстрее, но очень тяжело. Мы с мамой нанимались копать огороды. Днём хозяйка кормила нас обедом, вечером давала картошки. Огороды большие, приходилось копать по два, а то и по три дня.

Ещё подкармливало нас озеро. Как только нагревалась вода, мы шли ловить рыбу. Главная рыболовная снасть – плетеная решетка с ручками по бокам. Зрелище было забавное. Спускались по грудь в воду, шли вдоль берега и, как бреднем, зачерпывали все, что попадало. Поднимешь решетку, вода выльется, а на дне – золотистые карасики. Это удача, часто попадала одна тина. У каждого рыбака на боку припасен холщовый мешок с завязкой.

Рыбок покрупнее кладем в мешок, мелочь выбрасываем обратно в озеро. Дно у берегов илистое, неровное. Идешь, идешь и бултых в яму! Снимешь с себя водоросли и продолжаешь рыбалку. На берегу делим рыбу по справедливости: головка к голове, хвостик к хвосту. Глядишь, и ущица получится – все-таки подспорье. Кости рыбные не выбрасывали, сушили, толкли в ступе, костную муку ели.

Изложение «Таня», посвященное Зое Космодемьянской

Следующим летом всех учеников начиная с третьего класса обязали работать в колхозе на прополке овощей. Пока сорняки не поднялись, мы занимались добычей пропитания. Жила я, как и зимой, у Нины Банных. Нина была лидером, с решительным характером. Я с ней не спорила. Я вообще была тихая девочка, не смевшая вступать в разборки между ребятами. С детства у меня выработалась такая форма поведения: чтобы никому не мешать, не лезть на глаза, держаться в стороне.

Жить среди чужих людей, да еще с клеймом из семьи врага народа, было нелегко. Один косой взгляд или грубый окрик, и сердце твое сжимается от обиды, но нельзя подавать вида: пожалеть, приласкать тебя ведь некому. Мама далеко, не убежишь к ней. Я маме никогда не жаловалась, чтобы не расстраивать её. Мама ходила в село нечасто. Ребята, встретив её, сообщали: «Тётя Маруся, ваша Нинка – отличница!»

В нашей школе летом организовали лагерь. Приезжало много городских ребят, но нам с ними общаться не разрешали, только через решетчатый забор. Прямо из леса мы шли к лагерю и ждали, когда выпустят ребят, чтобы выменять у них что-нибудь вкусненькое. Сначала выходили учителя. Они тоже выменивали у нас ягоды на кусочки хлеба. Ребята приносили полпорции, а то и целую порцию манного пудинга или пшениный биточек. Так происходил натуральный обмен.

Как-то выдался день, когда с мамой ходила за ягодами. Год был урожайный на ягоды. Мы насобирали полное ведро крупной ароматной земляники и выменяли на эти ягоды у одной учительницы маленькую булочку белого хлеба! Это была большая радость: мы так давно не только не ели такого хлеба, мы даже не видели его. Но поля уже ждали малолетних помощников: на прополку овощей – картофеля, моркови, турнепса – ходили вместе с учителями то на ближние, то на дальние поля. Теперь представить невозможно, как бедно жила деревня во время войны, да и после нее.

Идем в поле босые, с завистью поглядывая на тех ребят, у кого еще сохранилась обувь. Поля огромные, травы по колено, самый коварный сорняк для нас был осот. В жаркую пору он оцетинивался всеми своими колючками, вырывать его было тяжело, корень у него длинный, крепко за землю держится. За день так руки наколем, горят, как в огне. На другое утро болят, распухают. Но надеть на руки нечего, помоем руки холодной водой и опять идем в поле. Хорошо, что ходили на разные поля, осот не везде рос.

Колхоз за нашу работу ставил нам трудодни-палочки, обещали заплатить. А чем платить? Денег даже для колхозников не хватало, а нам, ребятам, и подавно. Но однажды велели явиться в контору колхоза. Мы с радостью бежали туда. Нам дали немного гороховой муки, которая вся пропахла бензином, употреблять ее в пищу было невозможно. А еще нам дали муки, которая называлась «сметки». Эта мука сметалась на мельнице с полу и со всего оборудования. Она была как дорожная пыль, похожая на асфальт.

Один раз в неделю на молокозаводе продавали сыворотку. С самого утра выстраивалась длинная очередь: дети и бабушки. Мы ходили за нею с ведрами на коромысле. Бидоны редко у кого тогда были. Нина, подруга моя, ростом была повыше, ей ловчей было нести. А мои ведра висели на коромысле чуть не до самой земли, нести далеко – молокозавод находился в центре села. Отдыхали

по дороге несколько раз, сильно болели плечи.

Эта сыворотка поддерживала нас. Ее пили, на ней варили похлебку из сушеных очисток, когда картошки к лету уже не оставалось. Мне хотелось унести сыворотки Вале и маме, но по лесной, неровной дороге нести сыворотку шесть километров я не смогла бы. Да если заденешь ведром за сук дерева, тогда все прольешь. Так проходила наша жизнь в те годы. Я с благодарностью вспоминаю учителей: Зинаиду Николаевну Лукьянову, Валентину Максимовну Котельникову, Ольгу Александровну Машанову, нашу любимую Марию Васильевну Плотникову. Они работали вместе с нами в колхозе, жалели, нас, разделяли с нами все тяготы, и мы платили им тем же: нашим послушанием, старательной учёбой.

Весть о Победе разнеслась по селу моментально! Все кинулись в клуб. С обоих концов села бежали женщины, дети, ковыляли старики и старушки: всем хотелось услышать из первых уст об окончании этой проклятой войны, оголившей село от главной опоры – мужиков. День был теплый, солнечный. Земля на дорогах просохла, превратилась в пыль. Мы босые бежали по этой мягкой пыли наперегонки, кричали, смеялись, всем существом ощущая торжество.

А потом с нетерпением ждали отмены хлебных карточек. Мы не могли уже поверить, что когда-то настанет день, и нам дадут хлеба, сколько мы хотим. Ждать пришлось долго: карточки отменили с 1 января 1947 года.

Когда мне исполнилось 16 лет, я получила паспорт и уехала к моей тёте в Свердловск, где начала работать. Мама и сестра оставались ещё в селе, они вернулись в Свердловск позже.

Прошло много лет. Как-то я поехала в Щелкун, нашла дом учительницы Марии Васильевны. Из ворот вышла, прихрамывая, полная пожилая женщина. У меня ком в горле: вы ли это, милая Мария Васильевна?! Годы-годы, как вы меняете облик человека! Мария Васильевна тоже не находит во мне той худенькой девочки, что бегала в школу по морозу в лёгких ботиночках, в заштопанных чулочках: такой запомнилась я учительнице. Сидели с ней долго, пили чай, вспоминали нашу школьную жизнь, дорогих учителей – некоторых уже не было на свете. Поплакали. Обе испытывали чувство щемящей ностальгии по времени хотя и тяжёлом, но очень дорогом.

Р. С. Когда я бываю в Щелкуне, стараюсь посетить кладбище, чтобы поклониться всем, с кем пришлось мне жить в военное лихолетье.

Н. Гарельшева, член Союза журналистов России.

«Поле битвы» за человеческую жизнь: эвакогоспитали глубокого тыла в школьных стенах

«Неизвестная Победа» – такое название носит книга, выпущенная к 70-летию Победы в 2015 году¹ и посвященная подвигу уральских медиков в годы Великой Отечественной войны. Что мы знаем о напряженных рабочих буднях людей, спасавших жизни тысячам раненых воинов? А ведь это было еще одно поле битвы – не просто за человеческую жизнь, но за достойное её продолжение уже в мирное время. Серьезные ранения, травмы и увечья, личные драмы, а с другой стороны – ласковое слово и сердечное отношение медсестёр, поддерживающих больных в минуты уныния и безысходности; врачи, которые делали уникальные хирургические операции, восстанавливающие работу органов, возвращающие лица, руки, ноги многим отчаявшимся жить нормальной жизнью.

Производство лекарственных препаратов, ортопедических средств, переоборудование школ, предприятий под эвакогоспитали, которые принимали тысячи больных во время Великой Отечественной войны – это лишь часть истории той битвы за жизнь. Еще остаются в городе немые свидетели того времени – здания, в которых располагались эвакогоспитали², мимо которых мы так часто проходим мимо, не замечая на них памятных табличек, столь скромных и порой неприметных. Но за каждым из этих зданий – история судеб сотен и тысяч людей, боровшихся за жизнь и возвращавшихся к жизни в то тяжелое военное время.

Об этой малоизвестной странице военной истории мы побеседовали с кандидатом медицинских наук *Зинаидой Ивановной Горбуновой*. Она является старшим научным сотрудником Уральского государственного медицинского университета, а в начале своего профессионального пути, с 1972 года, работала в Научно-исследовательском институте травматологии и ортопедии имени В. Д. Чаклина. В последние годы З.И. Горбунова занимается вопросами истории медицины, ряд ее публикаций посвящены Великой Отечественной войне, в том числе организации и работе эвакогоспиталей глубокого тыла.

Консультация с главным врачом. Эвакуационный госпиталь № 1705 (переулок Банковский, 7) в 1942 году

¹ Неизвестная победа. Медицина Свердловской области в годы войны. Автор текста Подкорытова Н.А. Екатеринбург : Издательский дом «Автограф», 2015. – 158 с. Подробную аннотацию книги см. в разделе «Тематический обзор литературы. Урал в годы Великой Отечественной войны».

² В нынешний год 75-летия Великой Победы в городе Свердловске – Екатеринбурге все меньше остается школьных зданий, где в годы Великой Отечественной войны размещались эвакогоспитали, отмеченные в настоящее время мемориальными досками. Среди них школы № 1, 2, 9, 17, 37, 49, 67, 68, 80, то есть 9 школ из 17.

1943 год. Эвакогоспиталь 3860, расположенный в здании на Ленина 28 (сейчас Уральский государственный колледж им. И. Ползунова)

Из истории организации эвакогоспиталей в Свердловске

Все школы в Советском Союзе начиная с середины 1930-х годов строились по единому проекту, который позволял в считанные дни переоборудовать школьные здания в госпитали, а классы в них – в палаты для раненых. Дело было в том, что во время войны больничные здания как госпитали использовать было, конечно, нельзя: ведь плановый поток больных тоже продолжал нуждаться в лечении. Поэтому необходимы были другие помещения. Военная доктрина, разработанная в 30-е годы, рассматривала школы как здания двойного назначения.

Уже опыт финской войны показал, что в Свердловске школьные здания являются наиболее удобными и доступными для размещения эвакогоспиталей глубокого тыла. В финскую кампанию все эвакогоспитали были развернуты только в школьных зданиях; по тому же принципу были сформированы и развернуты эвакогоспитали основного плана и в Великую Отечественную войну.

Половина всех эвакогоспиталей во время ВОВ располагалась в школьных зданиях, а Свердловская область была третьей по величине базой размещения эвакогоспиталей глубокого тыла в Советском Союзе. Население города за счет новоприбывших увеличилось во много раз.

Наиболее распространенным типом для размещения эвакогоспиталей были школьные здания на 700–800 учащихся. В 1937 году были приняты строительные нормативы, которые были типовыми для школьных и лечебных учреждений: так, например, и в школьных классных комнатах, и в лечебных учреждениях была одинаковая высота помещений – не менее 3,5 м. Глубина класса по нормативам для средней школы равнялась 5,7 м, глубина палат, принятая в СССР, равнялась 5,6–5,7 м. Ориентированы и классные комнаты, и палаты были на юг и юго-восток. Более половины госпиталей располагались в двух зданиях школ и были отдалены от мест разгрузки раненых на расстояние от 1 до 5 км.

А.Т. Лидский

Но можно ли сказать, что школьные здания предвоенной постройки были вполне приспособлены под нужды стационарно-лечебного учреждения временного типа, то есть эвакогоспиталя? И да и нет. Ведь госпиталю необходимы не только палаты, но и операционные, перевязочные, а также овощехранилище, ледники, газокамеры. Для этого подходили не все помещения школ. Мобилизационные планы предусматривали размещение в типовом эвакогоспитале до 200 госпитальных коек. И действительно, в самом начале войны при развертывании эвакогоспиталей они принимали до 200 раненых; но очень быстро медикам пришлось

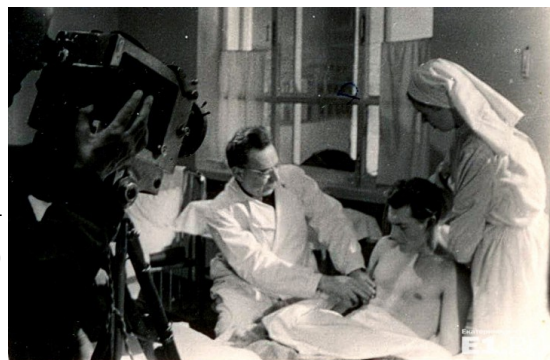
работать и с большим количеством больных, уплотняя палаты и используя все подсобные помещения и коридоры. Часто количество пациентов в таком типовом госпитале доходило до четырехсот.

В большинстве госпиталей операционных дней было 2–3 в неделю, а перевязочные ежедневно пропускали 50–80 раненых. В санпропускниках помещения не позволяли провести полного разграничения на чистую и грязную половины, соблюсти правильный поток больных, фильтр для инфекционных больных. В Свердловск раненые стали приезжать в самом начале войны – уже в июле 1941 года. В 17 школах города было размещено 16 эвакогоспиталей. Они различались типами школьных зданий, периодом размещения (в том числе начальном), числом коек, размещением в одном или нескольких школьных зданиях, а также профилем эвакогоспиталя.

В марте 1942 года при облздраве был создан госпитальный совет, куда вошли ученые и начальники госпиталей: Аркадий Лидский, Лев Ратнер, Василий Шамарин, Борис Кушелевский, Виктор Чаклин, Давид Шефер, Василий Каратыгин, Федор Богданов – научные светила, преподаватели медицинского института. Все они без устали ездили по всей области, обучая вчерашних терапевтов и педиатров основам лечения огнестрельных ран и переломов, давали азы современной типовой технологии, консультировали, проводили показательные операции.

...В первые годы войны много ездит по области главный хирург отдела госпиталей Свердловского облздравоотдела Аркадий Тимофеевич Лидский. В больших и маленьких больницах, ставших госпиталями, он скрупулезно обходит всех раненых, дает практические указания у постели больного, читает лекции по лечению военной травмы. Он делает сложнейшие операции, под его наблюдением постоянно несколько палат с 60–80 ранеными. Еще важнее было в понимании Лидского научить коллег ориентироваться в состоянии раненого, уметь прочесть картину крови, поведение температурной кривой. В здании школы № 9 Лидский провел первую на Урале операцию на сердце, удалив осколок из сердца раненого бойца.

Лидский, Ратнер, Кушелевский, Чаклин, Каратыгин, Сахаров, Лепешинский, Богданов и академик Ауэрбах, приехавший в эвакуацию вместе со своим Институтом глазных болезней, – именно они находились во главе огромной среднечуральской системы госпиталей, держа ее в условиях строжайшей санитарной дисциплины. Иначе все усилия сошли бы на нет от какого-нибудь затяжного поноса или тифа-косаря, как случилось со многими непобедимыми армиями и надежными тылами. Раненых везли необработанными, в окровавленных

Профессор Борис Павлович Кушелевский в госпитале

Профессор Василий Константинович Шамарин осматривает больного

одеждах, под гипсом или повязкой – черви, вши, вонь. Все бинты и одежду сначала отмачивали, потом осторожно снимали, все стирали и отправляли на дезинфекцию во избежание распространения по городу инфекции. В Свердловске удалось сдержать все возможные эпидемии, сопровождающие войну: дизентерию, тиф и туберкулез.

Из воспоминаний Петра Волкова, ветерана крейсера «Максим Горький»:

«Мне хотели ампутировать кисть левой руки. Я не давал согласия. На мое счастье, госпиталь посетил профессор Лидский – вел осмотр и консультировал лечащих врачей. У меня пальцы были черными, их кололи иглами, но я не чувствовал боли. Меня спросил, отчего я невеселый. Я ответил: «А что веселиться, когда мне собираются пальцы отрезать...» Он осмотрел меня и спросил врача, почему мне хотят ампутировать руку. Врач призналась, что не знает, как лечить. Лидский тут же прописал лечение, которому строго следовали. И мои пальцы остались целы, правда ограничены в движениях, но они мои. Мне на корабль потом писал письма сосед по палате. Писал правой рукой, и вот это я считаю настоящим чудом: у него было разбито плечо разрывной пулей. Вот вам героизм военных врачей. Большое им спасибо, жаль, не знаю их фамилий».

До 2001 года в Уральском институте травматологии и ортопедии работала Ирина Константиновна Ламанова-Малярова. Она окончила мединститут в 1941 году. Чем мог помочь в условиях страшной войны молодой врач без опыта? Но эвакогоспитали давали возможность молодым специалистам-медикам освоиться в своей профессии. И.К. Ламанова-Малярова прошла подготовку по хирургии в двух свердловских госпиталях, а затем, уже в декабре 1941 года, была призвана на фронт, воевала на Калининском и Прибалтийском фронтах. В чине капитана медицинской службы она была демобилизована в мае 1945 года.

В зависимости от длительности размещения раненых эвакогоспитали Свердловска можно разделить на три группы.

Первая группа эвакогоспиталей.

Первая группа эвакогоспиталей.

Начало сроков размещения колебалось от 3 июля до октября 1941 года. Были определены профили: общехирургический, протезный, травматологический, психиатрический, неврологический, терапевтический.

Количество коек колебалось от 300–400 до 1000–1250. В эвакогоспитале 3867 (сейчас *МАОУ СОШ № 67*) было женское отделение. Три эвакогоспиталей, которые значились под номерами 3866, 3867 и 3864, – в 1945 году были преобразованы в различного

Раненые во дворе эвакогоспиталя № 414 в годы войны. Здание НПО «Автоматика» в наши дни

профиля госпитали для инвалидов Отечественной войны с колебанием в них количества коек от 100 до 200. Остальные три эвакогоспиталей: № 354, 1707, 3750 – были расформированы в мае, октябре и декабре 1945 года.

Вторая группа эвакогоспиталей.

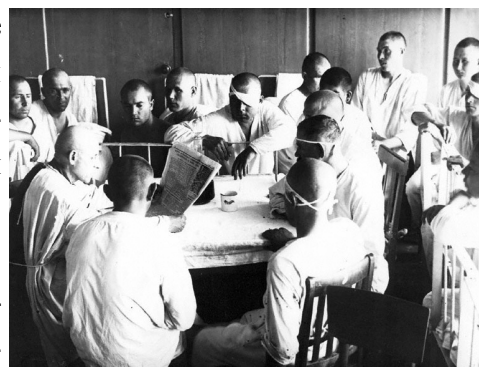
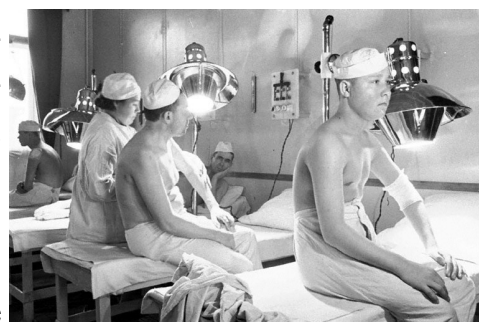
Эвакогоспитали № 1326 и 1716 были развернуты в первые дни войны, начиная с 22 июня 1941 года, а остальные – в октябре-ноябре 1941 года. Госпитали этой группы размещались в одном школьном здании; однако в двух школах (ОО № 2, ОО № 40) располагались 2 эвакогоспиталей в одном здании. Коечный фонд этой группы госпиталей был значительно меньше, чем в первой группе, и колебался от 400 до 500–600 коек.

Особенностью госпиталей школы № 2 являлось то, что госпиталь № 3415 выполнял роль сортировочного, период их размещения составил 4–5 месяцев. После этого они убыли во фронтную полосу. Также на фронт были отправлены эвакогоспиталь № 1716 школы № 37, эвакогоспиталь № 3581 школы № 14, а эвакогоспиталь № 1362 из школы № 40 убыл в Москву. Сведения об убытии других эвакогоспиталей (№ 1326, 3584, 3863, 3865) отсутствуют.

В этой группе все школьные здания (ОО № 9, 14, 17, 37, 40, 49) после закрытия эвакогоспиталей начали подготовку к новому учебному году, обучение началось в сентябре-октябре 1943 года. Кроме того, удалось проследить послевоенную судьбу школьных зданий, где были размещены эвакогоспитали.

Так, в здании школы № 11 (эвакогоспиталь № 1707) разместились учебные корпуса *Уральского государственного университета* (ул. Куйбышева, 48). В здании по улице Ленина, 33, где располагался эвакогоспиталь № 1326, начались занятия школы № 9. А в здании школы № 65 (ул. Степана Разина, 25), где ранее располагался эвакогоспиталь № 3867, в настоящее время находится один из корпусов *Управления финансовой службы налоговой полиции* по Свердловской области. В здании тургеневской школы (ул. Вайнера, 2), где располагался эвакогоспиталь № 354, действует *Екатеринбургский театральный институт*.

Здания школ № 9, 14, 16, 40, где были размещены эвакогоспитали, в разные годы прошлого столетия были снесены. Так, довоенное здание школы № 9 (ул. Девятого января, 51а, эвакогоспиталь № 3866) было снесено, а его место сейчас занимает «Гостиница Хайят». На месте школы № 14 (ул. Шарташская, 4), где размещался эвакогоспиталь № 3581, построено здание арбитражного суда. На месте школы № 16 (ул. Свердлова, 11а) – здание Института «Уралгипротранс». Здание школы № 40, где находились два эвакогоспиталей (№ 3584 и 1362, ул. Мичурина, 181), снесено в конце 2019 года.

Свердловские эвакогоспитали

Гимназия № 37 (Первомайская 59) в наши дни

История эвакогоспиталя № 1716, который размещался в здании школы № 37

Эвакогоспиталю № 1716 в историографическом плане «повезло» больше других: сведения о нем сохранились в республиканском архиве госпиталей и найдены там современными исследователями А.Д.Бальчуговым - бывшим директором Свердловского областного музея истории медицины (цитируются по В. Я.Камарскому, 2001. - С.141). Госпиталь № 1716 начал работу в трехэтажном здании школы № 37 (г. Свердловск, ул. Первомайская, 59) 23 июня 1941 года. Он сформировался по мобилизационному плану Свердловского облздравотдела, то есть 5 июля был готов к приему больных, а 12 июля 1941 года принял первую партию раненых.

В стенах школы № 37 госпиталь располагался до 20 сентября 1943 года, а потом начал длинный путь: выехав на Брянский фронт, он прибыл в Тулу; затем с 6 сентября 1944 года находился в г. Седльце (в 75 км к востоку от Варшавы), а 1 января 1945 г. был передислоцирован на запад, где принимал раненых, участвовавших в Варшавско-Познанской наступательной операции – одной из крупнейших операций конца войны. В районе Варшавы госпиталь находился до начала марта 1945 года.

Из воспоминаний ведущего хирурга госпиталя, капитана медицинской службы В.Ф. Пантелеевой: *«Приказом сверху было дано очень жёсткое предписание – в течение 7 суток полностью подготовить госпиталь к приему раненых, больных и укомплектовать штаты всех служб. Школа, где разместился госпиталь, не была готова к такому приему, необходим был основательный ремонт. Срочно было придумано размещение медицинских и хозяйственных служб, и началась работа и днем, и ночью. Были подключены шефы, которые помогали не только своим трудом, но и материалами для ремонта. Народ чувствовал ответственность перед страной, работал с энтузиазмом, люди с пониманием относились друг к другу. Эвакогоспиталь № 1716 был госпиталем быстрого*

Мемориальная табличка на стене гимназии № 37

развертывания и оснащен всем, что было необходимо для хирургической работы. С октября 1941 года стали поступать тяжелораненые. Первые годы войны отличались большими поступлениями раненых, приходилось применять двухъярусные койки. Поступали и раненые женщины, их ранения в силу специфики были более сложными. Большинство вылечившихся раненых возвращались в свою часть. За 27 месяцев умерли 13 человек, что составило 0,4% от общего количества поступивших на лечение (около 3250 человек)».

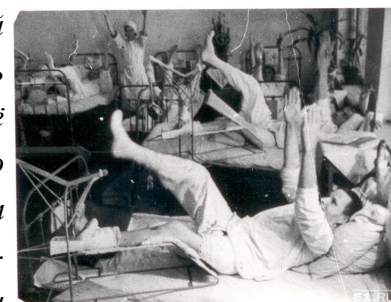
Фронтной путь эвакогоспиталя № 1716

За весь период работы во фронтовой обстановке (18 месяцев) госпиталь принял **10 640 раненых** (за этот же период смертность составила 67 человек – 0,63%). Во время Бобруйской операции госпиталь принял 869 раненых (122 человека возвратились в строй – 14%), во время Висленской операции – 655 раненых (67 человек возвратились в строй – 10%). По воспоминаниям участника ВОВ Валентины Михайловны Елсуковой, которая являлась выпускницей первого выпуска школы № 37 в 1940 г. (затем она поступила в сельскохозяйственный институт, а в 42-м вместе с подругами, окончив курсы медсестер, ушла добровольцем на фронт. В составе 116-й Отдельной морской стрелковой бригады, а затем Второй танковой армии прошла через самые тяжелые бои с врагом: под Москвой, на Курской дуге, под Орлом, Корсунь-Шевченковским – до Варшавы. Когда была тяжело ранена, лечиться и восстанавливаться ее привезли в госпиталь, размещенный в родной школе № 37!), она лежала в бывшем физкабинете, и ее часто навещали учителя школы и ее директор В.К. Тихолаз.

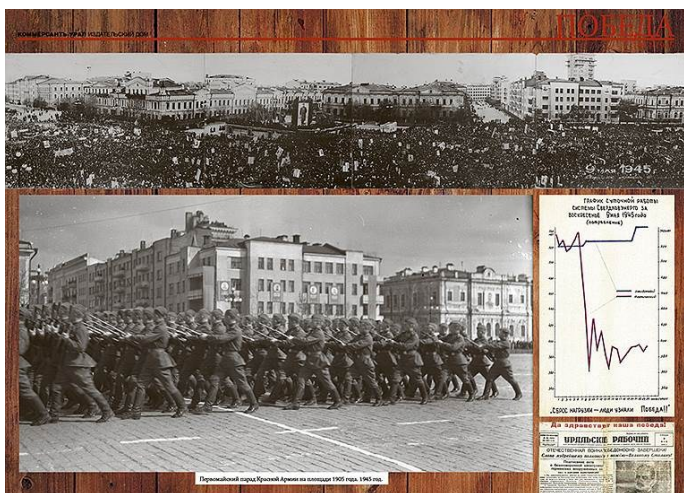
Этот уникальный случай стал известен благодаря учащимся школы № 37: в 1979 году члены школьного отряда «Поиск» встретились с В.М. Елсуковой и опубликовали заметку о ней в «Уральском следопыте». Сейчас о госпитале, который в годы Великой Отечественной войны был в Гимназии № 37, напоминает мемориальная доска, установленная в 1985 году.

Из воспоминаний Натальи Васильевны Чаклиной-Горбачевой:

«Начинается новый, свердловский период моего детства. Весной 1942 года нас принимают в пионеры. К этому событию готовились очень серьезно, учили пионерскую клятву. До сих пор помню главную её часть: «Я всем сердцем ненавижу фашистских захватчиков и сделаю все, что смогу, чтобы приблизить нашу победу». После того как нам повязали пионерские галстуки, всем отрядом отправились на сбор металлолома. Знали: из него на наших уральских заводах делают танки и снаряды для фронта.»

В эвакогоспитале № 1716
(здание школы № 37)

Из альбома «Свердловск. Победа. 1941-1945»

В нашем классе – в основном эвакуированные, среди моих новых подружек много ленинградцев. Рядом с нашим домом – мединститут, в котором работает отец. Его клиника переоборудована в госпиталь для тяжелых раненых. После уроков идем в госпиталь, читаем раненым стихи, кто-то поет, кто-то пишет письма родным. Особенно хорошо принимают поэму Симонова «Сын артиллериста».

У нашего пионерского отряда – большой список неотложных дел. Не реже двух раз в неделю – сбор металлолома. В свободное время готовим посылки на фронт: шьём для воинов кистеты, подбираем в домашних копилках самые красивые лоскутки, украшаем вышивкой. Через год, когда немного подрастает, получаем еще одно важное поручение: на заводах у станков работают в три смены женщины, в том числе матери малолетних детей. Детский сад закрывается в шесть. Теперь вечерами мы опекаем этих ребятнишек, а на ночь приходят заменить нас комсомольцы-старшеклассники. Детство есть детство. Конечно, и у нас были минуты радости. Были встречи в городском Дворце пионеров, бывшем приваловском особняке, с любимым писателем Бажовым. Были торжественные марши по городу с красными знаменами, горнами и барабанами».

Стены многих наших школ еще помнят войну. Они стали немymi свидетелями того, что происходило в этой битве за жизнь. Сегодня мы можем, оставив суету будней, остановиться около табличек со скрупами данными об эвакуогоспиталях и с благодарностью вспомнить всех, кто подарил новую жизнь раненым, и тех, кто навсегда остался верным своему долгу и не вернулся домой с этой страшной войны. И пусть эта наша память передаётся связующей нитью новым молодым поколениям.

Материал подготовили Евгения Парфенова, Ольга Савенко

В подготовке статьи использованы следующие источники и материалы:

1. Вести из одной школы: маршруты группы «Поиск» // Уральский следопыт. 1979. № 8, с.37.
2. Горбунова З.И. Школы-эвакогоспитали Свердловска в период Великой Отечественной войны: на примере школы № 37 // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории», Уральский государственный педуниверситет. Часть 1. 2020 г. с. 155–160.
3. Камарский В.Я. Их упокоила уральская земля...Воинский мемориал на Широкореченском кладбище г.Екатеринбурга. Екатеринбург: Изд-во Уральский рабочий, 2001. - С. 132, 137
4. Неизвестная победа. Медицина Свердловской области в годы войны. Екатеринбург : Издательский дом «Автограф», 2015. – 158 с.

Зинаида Туснолобова-Марченко: «Жизнь была щедра ко мне!»

Уроженка Полоцка военная медсестра Зинаида Туснолобова, выполняя задание командования, зимой 1943 года попала в плен на станции Грошечной. Другим удалось ее освободить, но после полученных в плену увечий Зина лишилась рук и ног.

В свердловском эвакогоспитале № 3161, где лежала после ампутации медсестра, работал хирург Николай Соколов, которому принадлежало авторство методики восстановления ампутированных конечностей: из уцелевших тканей делались два «пальца», которые при упорных тренировках могли служить пациенту практически для всех бытовых целей. Еще важнее то, что врач мог в самых тяжелых, практически безнадежных ситуациях находить такие слова, которые возвращали пациентам веру в жизнь.

Поверила Николаю Васильевичу и Зина Туснолобова. После серии операций она научилась самостоятельно писать, ходить на протезах. Уже в конце 1943 года она выступала перед ранеными, вдохновляя их и вселяя надежду.

История Зинаиды Туснолобовой в годы войны была широко известна. «За девушку из Полоцка!» - писали на танках и самолетах весной 44-го на 1-м Прибалтийском фронте. А после войны Зинаида Туснолобова-Марченко родила и вместе с мужем воспитала двоих детей – Вову и Ниночку; она была депутатом городского Совета, вела большую общественную работу, переписывалась с сотнями людей. Но особенно заслуживают внимания те письма, которые она писала доктору Соколову, который когда-то избавил ее от беспомощности и отчаяния. Эти письма были сохранены свердловским журналистом и через много лет опубликованы.

«Как быстро течет время! А помните канун 1944 года? С танкового завода приехали в госпиталь, просили меня выступить. Я была там сильной, говорила нужные людям слова. А в палате становилась опять слабой и упрямой, ни за что не давала согласия на операцию. Но она была нужна,

Семья Марченко. 1960-е годы.

эта восьмая по счету операция. Вы же обладали удивительным даром внушать веру в исцеление, и упрямство мое было сломлено...» (1955 г.)

«Помните, как в ночь на Новый год я открыла глаза и увидела два яблока? Зима, Урал, 1943 год... и яблоки, как в сказке.

- Это тебе, Зинушка! Жена из Москвы прислала, - сказали вы шепотом. Разве можно забыть?...» (1955 г.)

З. Туснолобова-Марченко - депутат Полоцкого городского совета

Экипаж самолета «За Зину Туснолобову»

«Вся моя семья желает вам, дорогой мой доктор, здоровья, счастья, больших успехов. Приезжайте к нам летом, Николай Васильевич, забирайте всю семью с собой, будем ездить в лес по грибы, на рыбалку. А главное, вы увидите, как я научилась самостоятельно стряпать, топить печь и даже штопать чулки!» (1954 г.)

«А еще у меня горе – я забеременела, врачи мне сделали бы аборт, но муж – ни в какую: один ребенок – это не ребенок. Я, конечно, оставила. Жду дочь, она нужна мне в таком состоянии как воздух...» (1954 г.)

«Подумать только, Вовочка уже в седьмом классе, а Нина-егоза последний год ходит в детский садик. Сейчас поздний вечер, моя шумная семья утомилась, все спят, и я пишу вам письмо... Жизнь была щедра ко мне! Я познала любовь, материнство, самую возвышенную дружбу, которую может испытать человек. Большая общественная работа делает жизнь полнокровной, нужной людям. Как часто люди, потерявшие веру в жизнь из-за нагрянувшей неожиданно беды, ждут душевной поддержки. И я стала сильной, потому что рядом со мной были такие люди, как вы, и даже малыши из Полоцкого детского дома, которые льнули ко мне сердцем и которым хотелось отдать ласки и заботы больше, чем своим детям, потому что они – сироты...» (1960 г.)

«И вот мы вернулись в Полоцк, посадили сад. А через несколько лет упаковали ящик с яблоками и послали вам в Свердловск. В посылке были солнце и тишина, воспоминания и настоящее. Победа жизни! Кто знает, может быть, это и есть счастье?..» (1955 г.)

Материал подготовила Ольга Савенко

Письма цитируются по публикации:

Володин И. Зинаида Туснолобова-Марченко: «Жизнь была щедра ко мне!». – Областная газета, 3 мая 2000 года.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

УРАЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

• *«Свердловск. Победа». Альбом. Второе издание (дополненное). ИД «Коммерсантъ-Урал», Екатеринбург, 2018. -199 с.*

В альбоме высокого уровня дизайна и полиграфии собраны фотографии, агит-материалы, документы, письма, газетные публикации и воспоминания, связанные с жизнью города в годы Великой Отечественной войны. Альбом является ярким документом военной эпохи, содержит много интересных фактов, касающихся жизни города в то время. Прекрасные лица наших земляков, их воспоминания, и даже сухая статистика цифр, которая говорит сама за себя — погружают нас в атмосферу военного Свердловска. Прекрасный дизайн и качественная подборка материалов, сразу притягивают внимание, поэтому альбом может быть особенно привлекателен для просмотра и чтения детьми и подростками.

Первое издание было выпущено в 2015 г., а 7 мая 2018 г. в администрации Екатеринбурга прошла церемония передачи в школы и библиотеки города уже второго, дополненного издания альбома «Свердловск. Победа», изданного ИД «Коммерсантъ-Урал» при поддержке компании «Сималенд». Обладателями книг стали свыше 180 школ и 40 библиотек: <https://www.kommersant.ru/gallery/3628218#id1592710>

• *Неизвестная победа. Медицина Свердловской области в годы войны. Автор текста Подкорытова Н.А. Екатеринбург : Издательский дом «Автограф», 2015. -158 с.*

В книге собраны фрагменты воспоминаний и рассказы о том, как самоотверженно трудились медики Свердловской области, альбом содержит большое количество фотоматериалов. Автор книги **Наталья Подкорытова** для создания этого труда использовала воспоминания, письма и дневники врачей, медсестер и санитаров, работавших в госпиталях в тыловом Свердловске, из фондов Музея истории уральской медицины.

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОБЕДА
Медицина Свердловской области в годы войны

- Что меня поразило в первую очередь: все школы в Советском Союзе, начиная середины 1930-х годов, строились по единому проекту, который позволял в считанные дни переоборудовать школьные здания в госпитали, а классы в них - в палаты для раненых. Кроме того, оказалось, что к началу войны в СССР не было опыта и так называемого "единого протокола лечения" огнестрельных ран. Этот "протокол" был разработан в Свердловске консультативным советом при Управлении эвакогоспиталей, в

Из альбома «Свердловск. Победа. 1941-1945»

том числе с участием ведущего хирурга **Аркадия Тимофеевича Лидского**. Он получил название "Свердловский метод" и был распространен на всю страну.

Книга была распространена по библиотекам и больницам города. Она может быть интересна широкому кругу читателей, потому что в ней собраны свидетельства очевидцев тех трагических событий. По данным почетного гражданина Екатеринбурга и Свердловской области нейрохирурга **Семена Спектора**, в регионе во время войны было организовано 153 госпиталя: *«Медики оперировали по 16 часов и делали все, чтобы спасти жизнь людям, сохранить их трудоспособность. Они радовались, когда их подопечные выписывались не на группу инвалидности, а в свою часть. Более 73 процентов раненых после лечения возвращалось на фронт»*. «Мне кажется, что наша медицинская отрасль внесла достойный вклад в Победу», - отметил он.

• **Виктор Максимов. Исповедь старого солдата.** Челябинск : Челяб. Дом печати. 2010. -348 с.:ил.

Книга написана в необычном жанре — это сокровенный, доверительный разговор с читателем о наблевшем. Можно ли забыть войну, все её ужасы и горечь утраты близких людей? Ветеран войны - Виктор Максимов делится тем, что пережил сам юношей на войне и тем, что пришлось пережить после войны, вернувшись к мирной жизни. Послевоенный Свердловск его будни и праздники, страдания ветеранов войны, которые стали инвалидами и преодоление собственной немощи после ранения, история создания госпиталя ветеранов Великой Отечественной войны в Свердловске — обо всё этом честно и искренно рассказывает автор. Исповедь, в которой открывается Виктор Максимов читателям — это еще и возможность обратиться к потомкам, призвав к миру и готовности примириться с бывшими врагами.

• **Гарлышева Н.Ф. Фронт и тыл во время Великой Отечественной войны.** Екатеринбург, 2020. -103 с.

Сборник рассказов, новелл, написанных нашей землячкой, журналистом Ниной Францевной

Гарельшевой. Сборник содержит автобиографические воспоминания о военном детстве, а также воспоминания уральцев, с которыми сталкивала автора судьба: Михаила Мишарина, участника Курской битвы, Ивана Романова, воевавшего на Ленинградском фронте, а в последствии сапёром 1330 отдельного батальона в составе Второго Белорусского фронта. Никого не оставит равнодушным воспоминания Н.Гарельшевой о поездке в Аджимушкайские каменоломни под Керчью через 30 лет после войны, когда в них работала группа «Поиск» Свердловского горного института. Это особая точка народной памяти о тех 13 тысяч, оборонявших каменоломни солдатах, офицерах, гражданских (включая женщин и детей), многие из которых навсегда остались в этом скорбном месте.

• *Урал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Екатеринбург : УрО РАН, Институт истории и археологии, 1995. -303 с.*

Тезисы докладов научно-практической конференции. Екатеринбург, 20-21 апреля 1995 г. Институт истории и археологии РАН, Администрация Свердловской области, Свердловский областной краеведческий музей. -303 с.

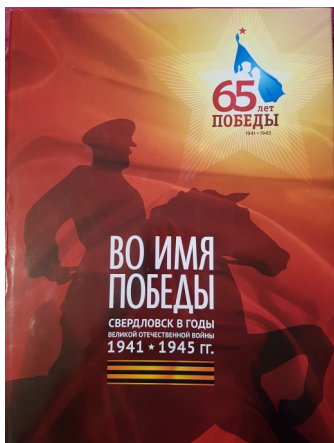
• *А.В. Сперанский. На войне, как на войне... Свердловская область в 1941-1945 гг. Екатеринбург : Издательство «Сократ», 2012. -408 с.: ил.*

Книга представляет собой первый обобщающий труд, показывающий роль Свердловской области в достижении Победы. Основное внимание автора сосредоточено на процессах, определивших качественные изменения в экономической, политической и социокультурной жизни Среднего Урала в экстремальных условиях. Главный акцент сделан на анализе событий, сыгравших определяющую роль в военных трансформациях края, на характеристике персоналий, внесших в период Великой Отечественной войны наибольший вклад в его развитие. Книга подготовлена на солидной базе архивных источников с привлечением современных исторических исследований и рассчитана на широкую читательскую аудиторию. Издана при поддержке Правительства Свердловской области, Института истории и археологии УрО РАН, Уральского отделения Академии военно-исторических наук.

• *Вера. Надежда. Милосердие. Память. Свердловскому областному клиническому психоневрологическому госпиталю для ветеранов войн 70 лет. Екатеринбург, 2011. -191 с.*

Юбилейное издание, с большим количеством фотографий и материалов, посвящено областному клиническому психоневрологическому гос-

питалю для ветеранов войн его истории и современной деятельности. В фокусе внимания — судьбы людей, сотрудников, чьими трудами отвоеваны многие жизни. В том числе от первого лица рассказ почетного начальника госпиталя Семена Спектора, который возглавил госпиталь в 1972 г. Он так говорит о смысле своей работы: *«Главным движением этой работы является понимание того, что мы действуем для людей, которые совершили судьбоносные, великие дела - сломали хребет фашизму, искореняют терроризм, заслонили нас своими жизнями, своими легко уязвимыми телами, своим умением и крепким духом».*

История госпиталя берет начало в первые трагические месяцы Великой Отечественной войны. Его профиль был предопределён тем, что в первые годы его существования на базе госпиталя располагалась клиника лечения психических заболеваний, руководимая профессором П.Ф. Малкиным, а затем с 1963 по 1972 гг. - клиника нервных заболеваний и нейрохирургии, возглавляемая заслуженным деятелем науки, профессором Д.Г. Шефером.

• Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Изд.2-е, дополн., перераб. Екатеринбург: Печатный дом «Формат», 2010. -272 с.

В книге, посвященной 65-летию Великой Победы над фашизмом, отражены практически все направления жизнедеятельности Свердловска в период военного лихолетья. Это первый обобщающий труд, комплексно воссоздающий военную историю города, ставшего не только грандиозной кузницей оружия и местом подготовки прославившихся на фронте воинских частей и соединений, но и уникальным центром культуры, оказавшим духовное влияние на всю борющуюся с неприятелем страну. Книга подготовлена при поддержке Администрации города Екатеринбурга, МУ «Столица Урала», Института истории и археологии УрО РАН, Уральского отделения Академии военно-исторических наук, Общества любителей военной истории на солидной базе источников с привлечением современных исторических и рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

Обзор подготовила Евгения Парфенова

Из альбома «Свердловск. Победа. 1941-1945»

Евгения Парфенова

Севастополь: неизведанные страницы нашей истории

Как вспоминать военное время тем, кто никогда не воевал и знает о нём лишь из семейных историй, фильмов, книг и мемуарной литературы? Возможно ли протянуть живую нить связи через года к новым поколениям, чтобы помнить то трагическое время, помнить миллионы жертв не просто как нечто далёкое, мало имеющее отношение лично к тебе, а как живой пульс, нерв истории?

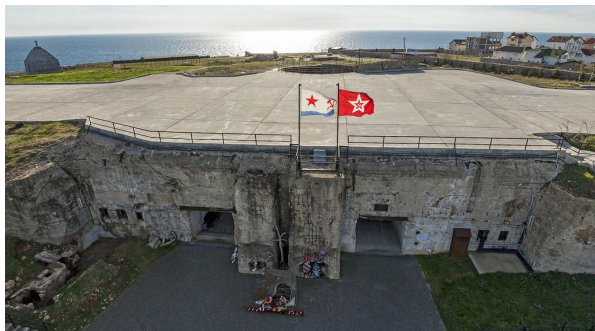

Российские историки, социологи и антропологи говорят о том, что память об этой войне до сих пор остаётся травматичной, а значит, необходимо преодоление этой травмы, нанесённой войной. Поэтому всё больше внимания в исторических исследованиях уделяется микроистории, истории повседневной жизни в это военное время. Как жил человек, что он чувствовал – тот, кто сражался в окопах, кто трудился в тылу, кто был вынужден оставаться на оккупированной территории или был угнан на работу в концентрационные лагеря?

Как пережитое сказалось в дальнейшем в семейной, профессиональной жизни человека? Можно и нужно ли вообще вспоминать эти тяжелые страницы военного времени? Как сострадать и сопереживать, не боясь нанести психологической травмы, особенно детям, в этих воспоминаниях? Как сделать эту историю живой, а «не лакированной»? Все эти вопросы встают в нашей жизни, как только мы всерьёз соприкасаемся с историей военного времени. Какие-то ответы уже найдены специалистами, но есть те, на которые может ответить только сердце человека в экзистенциальном соприкосновении с прошлым, которое вдруг неожиданно становится твоим настоящим и будущим.

Лето 2019 года стало переломным в моей жизни: я впервые побывала в знаковом для всей истории Второй мировой войны месте – это 35-я береговая бронебашенная батарея в г. Севастополе. По не случайному совпадению именно в это же лето я много слышала о трагедии Севастополя в годы Великой Отечественной войны от Майи Петровны Никулиной, у которой мы брали интервью. В этом городе жили её родные и то, что там происходило, она знала не понаслышке. Та боль, с которой она говорила о трагедии и одновременно мужестве защитников Севастополя, о разрушенном, поруганном городе, который так любила и любит, не могла не отозваться в собственном сердце. Захотелось увидеть этот город её глазами, побывать в тех знаковых местах, о которых она говорила.

Мы бродили с друзьями по прекрасному, белоснежному городу, его набережной, но смотрели на него уже

Музей 35-й береговой батареи

другими глазами. После войны в результате бомбёжек и ожесточенных боёв жилой фонд, все его здания были практически полностью разрушены, в городе осталось менее 6% населения: остальные или погибли, или были угнаны на работу в Германию. Героическая оборона Севастополя продолжалась 250 дней – с октября 1941-го по июль 1942 года, а окончательно город был освобожден в мае 1944 года (наступательная операция началась 5 мая, продолжалась 4 дня, а 12 мая остатки вражеских

войск на мысе Херсонес сложили оружие). Общие потери советских войск за весь период обороны Севастополя с 30 октября 1941 года по начало июля 1942 года составили 200 481 человек, из них безвозвратные потери – 156 880 человек.

Земля в городе и его окрестностях была буквально напичкана металлом, её кусочек, который показала Майя Петровна, был спекшимся кровью конгломератом с металлом и лишь крохами земли. Город вдруг открылся в новом измерении: как будто ожили картины военного времени. Мне не раз до этого приходилось быть в военных музеях, в том числе в диараме на Сапун-горе, но впервые возник живой, неподдельный интерес ко всем маленьким деталям этих сражений – имена, цифры, сам ход военных действий.

И вот посещение музея на месте 35-й береговой батареи. Это фортификационное сооружение, строительство которого началось еще до Первой мировой войны и было прервано революционными событиями 1917 года а завершено лишь в 1927 году. Батарея была уникальной по своим техническим параметрам и территориальным масштабам, размещалась на берегу Черного моря – мыс Херсонес близ Казачьей бухты. История создания музея, как и самой батареи, тоже необычная. Он появился лишь в 2000-е года как частная инициатива неравнодушных людей. Экскурсии проводятся абсолютно бесплатно, но, чтобы попасть на такую экскурсию, в летнее время люди приезжают к 5–6 часам утра – так высок интерес к этому месту.

На улице – яркое знойное солнце, море играет голубишной краской, морской бриз, раннее утро. Подходит экскурсовод, и мы начинаем погружение в историю. Идём длинными коридорами подземелий, проходим потерны, рассматриваем фотографии, вслушиваемся в сухую статистику цифр. И с каждым новым шагом по этой священной земле становится всё больше и больше от увиденного и услышанного. Как всё это могло произойти? Трагедия на трагедии. Беспрецедентное мужество бойцов – с одной стороны, несогласованность действий командования – с другой, попытка спасти людей кораблями, их мгновенная гибель на затонувшем

в результате авиабомбардировки пассажирско-грузовом теплоходе «Армения» (по первоначальным оценкам специалистов, погибло 5 тысяч человек, сейчас называют цифру 7–10 тысяч, а спаслось со всего корабля только лишь 8 пассажиров).

Взрыв инкерманских штолен с оставшимися внутри людьми,

размещенным на несколько тысяч коек госпиталем, военным заводом и гражданским населением, – и всё это наша история. Последний пункт экскурсии – зал памяти, тысячи лиц смотрят на нас словно мерцающие звёзды с купола пантеона. Все экскурсанты стоят, смотрят, а на глазах – слёзы. Мы еще долго не могли покинуть территорию батареи, посмотрели документальный фильм по совету Майи Петровны. И всё это время – комок в груди, который невозможно выдохнуть. Как это могло быть? Что произошло с нашей памятью? Почему мы так очерствели сердцем? Столько лет прошло после войны – а в этом месте до сих пор покоятся тела людей. И лишь в 2000-х годах был создан частный музей, и понемногу стали доставать погибших, восстанавливая имена. Как можно было устроить застройку частного сектора прямо на костях? И почему, дожив почти до 50 лет, мне никогда не приходило в голову поинтересоваться этими событиями, что-то узнать о людях – защитниках Севастополя?

Немецкое фото 35 береговой батареи. Башня № 1

Мы ехали домой, смотрели на зелёные виноградники, на удивительную крымскую природу и переживали чувство единения с этой землёй, с которой породнились, сострадая в сердце боли и трагедии, которые на ней произошли. Эта боль до сих пор живёт во мне, заставляя делиться увиденным и пережитым с другими людьми, понимая, что без этой истории не будет каждого из нас. Это очень тяжелая, но одновременно животворящая память, так как она позволяет по-настоящему полюбить свою страну, свою землю и сердечно оплакивать всех, кто её защищал ценой собственной жизни и мучительных страданий. Ведь только этой сердечной памятью восстанавливаются поруганные честь и достоинство наших соотечественников, остаются навсегда живыми в истории их имена.

Парфенова Евгения

Для тех, кто хотел бы познакомиться с этой страницей истории – обороной г. Севастополя – и познакомиться с ней наших детей и подростков, рекомендуем следующие материалы, которые содержат как историческую хронику, так и воспоминания очевидцев, мемуары тех, кто оставался в осаждённом городе, удивительные истории немногих выживших из числа нескольких тысяч человек на транспортном судне «Армения».

- Сайт музея 35-й береговой батареи: <https://35battery.ru/index.php/ru/museum-history/museum-history.html>
- Падалка Ю.В. Пароль «Севастополь», Севастополь : Телескоп, 2018. 223 с.
- Задорожников Георгий. Мемуары старого мальчика, Севастополь : Телескоп, 2018. 192 с.
- Из Цикла передач «Жди меня», выпуск «Севастопольский вальс» – удивительная история о выжившей семье с теплохода «Армения»: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=15366692268079227476&text=%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%B0%20%D0%96%D0%B4%D0%B8%20%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8F&path=wizard&parent-reqid=1588660940733061-1566663595839054193100291-production-app-host-sas-web-yp-84&redircnt=1588660944.1>

Документальный фильм «Севастопольский вальс НТВ: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=6927141557803962714&text=%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%20%D0%9D%D0%A2%D0%92&path=wizard&parent-reqid=1588660903052664-506361870765784030000243-production-app-host-vla-web-yp-73&redircnt=1588660907.1>

Из истории создания музея:

В 1963 году, после того как военные оставили эту территорию, исполком Севастопольского городского совета принял решение, в соответствии с которым территория 35-й береговой батареи была взята под охрану государством. Однако конкретные меры по сохранности исторического объекта приняты не были. Батарея разрушалась, в ее казематах и на прилегающей территории скапливался строительный и бытовой мусор. В 1988 году в правом командном пункте 35-й береговой батареи и его потерне была оборудована сейсмологическая лаборатория Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе.

На рубеже 1980–1990 гг. возрос интерес к ранее «закрытым» страницам обороны Севастополя. Территорию батареи исследовали поисковые отряды, историки. Здесь проводились встречи ветеранов, приуроченные к 3 июля – дате официального окончания обороны Севастополя 1941–1942 гг. Вместе с тем непоправимый ущерб историческому объекту нанесли действия «предприимчивых» людей, срезающих металлоконструкции, а также «черных копателей». Но самой большой бедой стало все расширяющееся строительство коттеджей, частных гостиниц в непосредственной близости от территории 35-й батареи.

В 2007 году начинается создание Музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея». В его строительстве приняли участие тысячи людей – специалистов различных профессий. Мемориальный комплекс создавался на негосударственные средства. Основную часть расходов по проектированию, строительству, содержанию и развитию комплекса взяли на себя предприятия промышленной группы «Таврида-электрик» (генеральный директор А.М. Чалый). Архитектурная концепция и проект разработаны архитектором А.И. Хомяковым (Москва). Проект и рабочая документация выполнены ЗАО «Севастопольский Стройпроект» (директор В.И. Лощанюк). Создание музейного комплекса такого масштаба (площадь мемориала – около 8 га, подземные сооружения – около 5 000 кв. м) стало беспрецедентным событием не только для Севастополя, но и для всего постсоветского пространства.

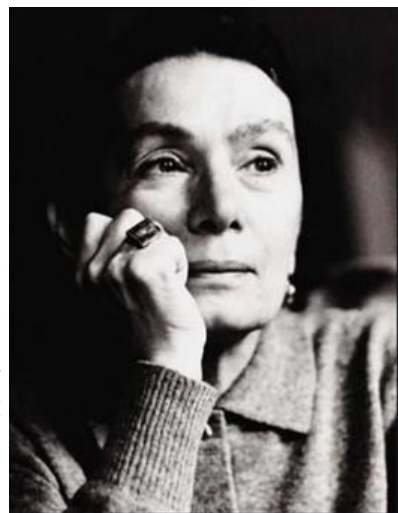

Часовня на месте 35-й береговой батареи

«Представить тогдашний паек сейчас не может уже никто»

Воспоминания о войне Майи Никулиной

Екатеринбург знаменит тем, что в войну являлся одним из ключевых промышленных центров, обеспечивающих фронт военной техникой. Но пока взрослые работали на заводах, дома оставались дети – те, на чью долю в эти голодные годы выпало настоящее выживание. Дети выросли и оставили свидетельства о том времени, когда им пришлось брать на себя недетский труд помощи семье. Публикуем отрывок из рассказа Майи Петровны Никулиной – известного уральского поэта, писателя, педагога, детство которой пришлось на военные и послевоенные годы.

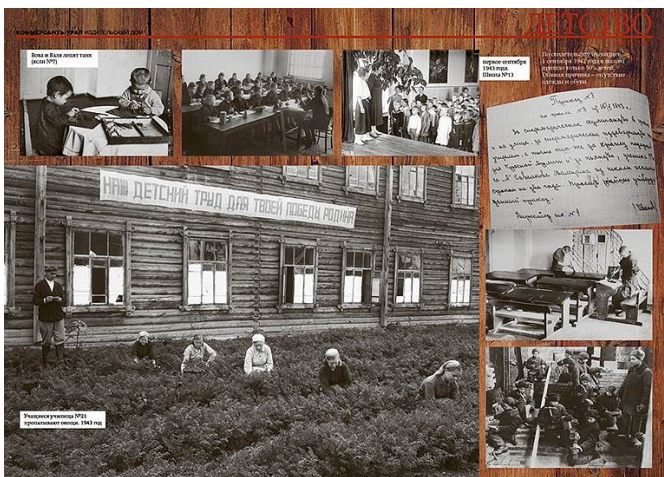

«Мы люди войны. Мы победили в войне. Это в нас навсегда. Я сейчас каждый год 9 Мая детям выкладываю и показываю: 400 грамм перловки, банку тушенки, 250 грамм жиров, 250 грамм сахара. Это паёк – на месяц каждому ребенку. И детям его старались выдавать регулярно. Если не хватало продуктов, не давали инвалидам. Но представить тогдашний паёк на месяц не может уже никто.

Нам бабушка одевала такие тряпичные сумки... Мне было четыре года, а братцу два с половиной, и мы были главные работники: траву собирали, картошку садили, дрова сушили... И мы знали: вот это сныть, это можно есть. Вот это корень лопуха, при таком-то условии его можно есть. Вот это крапива, это щавель, это конский щавель. И ты знаешь, что это твоя родная земля, и она тебя не выдаст. Вот и все.

Тогда город был еще деревянный, и кругом эти зеленые куртины. И мы по ложбинке с братцем ползем, по улице Розы Люксембург, и коробку за собою тащим. И траву туда скидываем, скидываем. Вот она, моя земля. Матушка? А кто она тебе еще? Она – кормилица, чудо...»

В публикации использованы материалы интервью с М.Никулиной (Вестник ЕДУ, № 9-10, 2019 год)

Из альбома «Свердловск. Победа. 1941-1945»

Карточка на хлеб образца 1943 года

МАЙЯ ПЕТРОВНА НИКУЛИНА

Снится, снится, снится
людям тишина...
Длится, длится, длится
страшная война.

Смерть грозит и лает
из стальной норы.
Брат мой умирает
у Сапун-горы.

Ровно тяжелеет
полдень золотой,
черные траншеи
заросли травой,
солнце заливает
тихие дворы...

...Брат мой умирает
у Сапун-горы.

С белой колокольни
памяти своей
неизбывной болью
разбужу людей,
подыму, стенаю,
целые миры:
- Брат мой умирает
у Сапун-горы!

Сердце замирает.
Остывает взгляд.
Брат мой умирает,
умирает брат.
И режут над нами
мирные года,
чистые, как пламя,
память и беда.

«Вестник Дома Учителя». Спецвыпуск к 75-летию Победы. Приложение к № 3-4 (40) (март-апрель) 2020 год.

Главный редактор: Парфенова Е.Г., старший методист информационно-библиографического отдела

Научный редактор: Фоменко С.Л., д.п.н., и.о. директора

Корректор: Пластинина А.А., старший методист информационно-библиографического отдела

Редакционная коллегия: Савенко О.К., методист учебного отдела, Игнатюк Н.И., заведующая библиотекой

Технический редактор: Николаев В.И., ведущий инженер-программист

Учредитель: Муниципальное бюджетное учреждение информационно-методический центр "Екатеринбургский Дом Учителя"

Издательство: Муниципальное бюджетное учреждение информационно-методический центр "Екатеринбургский Дом Учителя"

Подписано в печать 8.05.2020. Формат А4 (21*29,7). Тираж 100 экземпляров

Адрес редакции: 620014 г. Екатеринбург, ул. А. Валека, 8. тел. +7 (343)304-12-48. E-mail: domuchitela@gmail.com

С электронной версией «Вестника Дома Учителя» можно познакомиться на сайте МБУ ИМЦ «Екатеринбургский Дом Учителя» <http://imc-eduekb.ru/>